

ГУЛЬНАРА АБИКЕЕВА

Нациостроительство в Казахстане

и других странах Центральной Азии



и как этот процесс
отражается в кинематографе

Гульнара Абикеева

**НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВО
В КАЗАХСТАНЕ
И ДРУГИХ СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ,
И КАК ЭТОТ ПРОЦЕСС
ОТРАЖАЕТСЯ
В КИНЕМАТОГРАФЕ**

Алматы
ОФ «ЦЦАК»
2006

УДК 791.43

ББК 85.37

A 15



Public Affairs Section of the USA
Embassy in Kazakhstan



ТОО «KAZEXPORTCINEMA»

Рецензенты: А. И. Мухамбетова, доктор искусствоведения, профессор
А. Б. Наурзбаева, доктор философских наук, профессор

Абикеева Г. О.

^{A 15} **Нациостроительство в Казахстане и других странах Центральной Азии, и как этот процесс отражается в кинематографе.** – Алматы: ОФ «Центр Центрально-азиатской кинематографии», 2006. – 308 с.

ISBN 9965-21-014-4

Данная книга посвящена анализу одной из самых ключевых проблем современного общественного сознания – нациостроительству и формированию национальных идентичностей в постсоветских странах Центральной Азии. Автор книги рассматривает эти процессы через их отражение в кинематографе в разные исторические эпохи: в годы «оттепели» – 60-е годы XX века; «перестройки» – 1985–1991 гг.; первых лет становления независимости – 1991–1997 гг., и, наконец, в период осознанного нациостроительства – 1998–2006 гг. Хронологический принцип построения книги также позволяет проследить динамику изменения в кино образов от индивида до нации. Для культурологов, искусствоведов, политологов, всех интересующихся проблемами нациостроительства в Центральной Азии.

ББК 85.37

A 4910000000
00(05)-06

ISBN 9965-21-014-4

Copyright © Абикеева Г., 2006
Copyright © Гусейнова Н., 2006
Copyright © ОФ «ЦЦАК», 2006

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ АКАДЕМИЯЛЫҚ КІТАПХАНАСЫ

№ 00116556

*Посвящается дочерям Дарье и Дане
и их поколению, которому предстоит строить
будущность нашего независимого государства*

Содержание

От автора	6
Предисловие	8
Глава 1.	
Актуальные аспекты нациостроительства	13
Обзор теоретических статей по нациостроительству	14
Новый патриотизм, или Поиск культурной идентичности	23
Десять лет под ветрами разных идеологий	30
Образ женщины в кино Центральной Азии	41
Глава 2.	
Кинематограф «оттепели»: 60-е годы	
Первые шаги формирования национального самосознания	49
Национальная «оттепель» в кинематографе Центральной Азии	51
«Изменились не фильмы, изменились мы»	54
Герой: от отсутствующего до проигравшего	63
Героиня: от «освобожденной женщины Востока» до вечной «Невестки»	73
Образ матери как символ Родины	80
Образ отца как знак столпа нации	86
Образ семьи как модель общества	91
Выводы по главе	96
Глава 3.	
Кинематограф «перестройки»: 1985–1991 гг.	
Протест против старых и декларация новых ценностей	99
«Перестройка» в кино началась здесь	101
«Кино - искусство тех, кому принадлежит мир»	105
Новый герой: «Дальше действовать будем мы!»	111
Новая героиня: быть просто женщиной	119

Разрушение советской реальности	127
Выводы по главе	141
Глава 4.	
Кинематограф первых лет независимости: 1991-1997 гг.	
Постколониальный синдром: от эйфории до депрессии	143
В эйфории свободы и независимости	145
Казахстан: бум «Казахской новой волны»	151
Кыргызстан: два полюса национального кино	163
Узбекистан: фокус на историческое кино	169
Таджикистан: хроника гражданской войны	175
Туркменистан: захлебнувшийся кинематограф	181
Выводы по главе	186
P.S. Фильм, завершающий период «великой депрессии»	187
Глава 5.	
Начало процесса нациостроительства в кинематографиях	
Центральной Азии: 1998–2006	189
«С чего начинается Родина?»	190
Дом и семья	193
Образ ребенка	209
Образ матери	217
Образ отца	227
Выводы по главе	244
Глава 6.	
Как развивается кинопроцесс и каков образ нации	
в кинематографиях Центральной Азии?	247
Мы есть то, что мы о себе думаем	248
Кыргызстан: сконцентрированные усилия, ведущие к творческому прорыву	253
Таджикистан: два кинематографа – в эмиграции и дома	263
Узбекистан: три взгляда на свою страну	273
Казахстан: спонтанный кинопроцесс	283
Выводы по главе	292
Выводы по книге	296
Библиография	298

От автора

Идея написания этой книги родилась в 2001-2002 гг., когда я почти год провела в Америке по Фулбрайтовской стипендиальной программе с исследовательскими целями и чтением лекций в Болдоин колледже и Питсбургском университете.

Фулбрайтовская программа – уникальная возможность для ученых всех гуманитарных профилей погрузиться в научное исследование, имея доступ к любым книгам и изданиям, вышедшим по всему миру, так как большая часть стажировки, как правило, проходит в библиотеках и научных центрах. Также она дает возможность обсудить интересующие вас вопросы и проблемы с ведущими специалистами, профессорами из университетов США.

Мне приятно осознавать, что работа, начатая над книгой пять лет назад, завершена, и она издается, и прежде всего на грант, выигранный в конкурсе выпускников этой программы, объявленного в честь 100-летнего юбилея сенатора Вильяма Фулбрайта.

Я хотела бы поблагодарить всех тех, кто был связан с этой программой – в части администрирования, приглашения для чтений лекций и проведения исследований, обсуждения программ и статей, а также в поддержке издания данной книги.

Часть текстов, включенных в данную книгу, была подготовлена в рамках совместного курса «Белые пятна на карте: кино и литература Центральной Азии и Сибири», прочитанного с профессором Джейн Нокс-Воина в Болдоин колледже. Профессор Нокс-Воина читала ту часть курса, которая была посвящена Сибири, являясь специалистом по этому региону России, я же читала лекции по кинематографу и литературе Центральной Азии.

Чрезвычайно плодотворным было общение с профессорами Питсбургского университета Владимиром Падуновым и Нэнси Конди и их аспирантами, для которых я читала спец. курс на тему «Глобальная амнезия: кино Центральной Азии». На протяжении пяти вечеров увлеченно и глубоко шло обсуждение разных культурологических аспектов кино нашего региона. Именно тогда мы обсуждали феномен появления нового героя кино «перестройки», вопросы проявления национальной идентичности, синтез кинокультур Запада и Востока и т. д.

Позже эти дискуссии были продолжены в Москве в мае 2002 года на совместном Российско-Американском киносимпозиуме в Стэнфордском университете в декабре 2004 года по инициативе преподавателей университета Сэта Грэхама и Майкла Роуланда, где была показана серия фильмов из Центральной Азии. А также на страницах сайта www.kinokultura.com при активном участии профессора Бристольского университета Биргит Беймарс и в российском журнале «Кинофо-

рум» по инициативе кинокритиков Елены Стишовой и Константина Щербакова.

В появлении главы по кинематографу 60-х годов я обязана директору Линкольн-центра, профессору Колумбийского университета Ричарду Пену, с которым нам довелось довольно подробно обсуждать структуру большой ретроспективной программы фильмов Центральной Азии двух важных десятилетий: 60-х и 90-х годов. Этот двадцатидневный показ прошел как совместный проект Линкольн-центра и Института открытого общества, в Нью-Йорке в мае 2003 года.

Для формирования концепции данной книги также имели важное значение две ретроспективы кино Центральной Азии на кинофестивале в г. Триесте (Италия). В январе 2003 года на фестивале «Алпе Адриа Синема» была показана программа фильмов эпохи независимости, а годом позже – кинематографа «оттепели». Эти ретроспективы были инициированы директором фестиваля Анной Марией Перкаваси, а итальянский кинокритик Винченцо Буньо написал два объемных текста о кинематографе нашего региона. В тексте данной книги в чем-то я соглашаюсь с г-ном Буньо, в чем-то вхожу с ним в дискуссию.

И все же главным стимулом для написания книги стали сами фильмы и их создатели. Центральноазиатский кинематограф – уникальный феномен на карте мирового кино. Он был практически неизвестен миру в советское время и вырвался в число лидирующих на постсоветском пространстве после обретения независимости. Не проходит ни одного крупного кинофестиваля, где так или иначе не были бы представлены фильмы из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана или Таджикистана. Этот кинематограф имеет свое неповторимое лицо, высокую энергетику и художественную ценность. Возможно, мы этого даже и не замечаем, но именно кино формирует в нас личностные ценности, выявляет нашу национальную идентичность и участвует в процессе общего культурного национализма.

Особую благодарность мне хотелось бы выразить компании «Казэкспортсинама» и лично г-же Сарсеновой Г. Б. за финансовую поддержку в издании данной книги. Появление компании «Казэкспортсинама» – показатель выхода нашего кинематографа на новый уровень развития. Здесь очевиден продюсерский подход, отношение к кино, как к бизнесу, и главное – работа изначально строится на поиске зарубежных партнеров, без опыта и связей которых выход на мировой кинорынок для казахстанских картин пока невозможен. Сегодня компания «Казэкспортсинама» занята производством трех полнометражных игровых картин: фильм «Тюльпан» режиссера Сергея Дворцевого находится в стадии постпродакшн, картина «Монгол» режиссера Сергея Бодрового – в съемочном периоде и лента «В ожидании варваров» – в стадии сценарной разработки.

Также мне хотелось бы поблагодарить корпорацию «TSC group» за ее вклад в издание книги и лично г-на Оспанова Е.К. «TSC group» – казахстанская многоотраслевая корпорация, основанная в 1992 году, в ведении и управлении которой находится несколько десятков компаний. Корпорация «TSC group» с удовольствием вызвалась оказать содействие выходу в свет данного издания.

Гульнара Абикеева

Предисловие

Разве это ни парадоксально, что за пятнадцать лет существования независимого государства в Казахстане широко не обсуждались вопросы нациостроительства, формулирования национальной идеи, обретения национального самосознания? Как без общественных дискуссий этих вопросов возможно строительство сильного независимого государства? Понятно, что политическая элита страны опасается того, что дебаты по этим вопросам могут способствовать расшатыванию стабильной ситуации, сложившейся в сфере межнациональных взаимоотношений. Однако, не пройдя этап теоретического осмысления и общественного обсуждения процесса нациостроительства, невозможно двигаться вперед.

В западной теории принято говорить о двух формах национализма – этническом и гражданском. Первая строится на общности этноса, территории, языка, религии и культур, согласно так называемым «примордиалистским теориям наций», вторая – на объединении политических интересов и значимых характеристиках, созданных в недавнем прошлом, согласно «инструменталистским теориям наций».

По мнению западных политологов, вторая форма национализма, основанная на политической идентичности, играет гораздо большую роль в создании государства, чем общность расы, языка, религии. Знаменитая максима, приписываемая итальянскому государственному деятелю д'Аджелио: «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев» – сохраняет свою значимость для политических элит многих новых независимых государств. Без политической идентичности государство превращается в мозаику различных этнокультурных регионов.

Однако понятие этнической идентичности по-прежнему занимает центральное место в самоидентификации нации.

К примеру, каковы факторы формирования казахского/казахстанского самосознания? На теоретическом уровне одной из первых начала рассматривать эти проблемы британский исследователь Ширин Акинер. Так, она задается вопросом: «Что мешало полноценному формированию национального самосознания в Казахстане?» – и отвечает:

1. Европеизация/русификация большей части казахской аристократии при царском режиме; дальнейшая русификация в советский период.
2. Полное разрушение кочевого образа жизни в советскую эпоху.
3. Семьдесят лет Казахстан был продуктом советского социального строительства по российскому/славянскому типу построения общества;

Обозначив эти препятствия, Ш. Акинер тут же задается вопросом: «Что же должно обрести коллективное бессознательное народа для полноты чувствования собственной национальной идентичности?»

Ее ответ:

1. Казахи должны приобрести историческое самоощущение нации. Чувство единства и целостности народа.

2. Чувство исторической преемственности – общности истории.

3. Чувство исторической и территориальной целостности.

4. Ощущение самобытности, неповторимости и ценности казахского языка.

5. Ощущение самобытности и уникальности казахской культуры.

6. Ощущение уникальности религиозной культуры казахов, где в равной степени присутствуют ислам и тенгрианство.

7. Чувство общности мифов, легенд, сказаний, героических персонажей и т. д.

Что еще, как ни национальный кинематограф, может на художественном уровне рассматривать эти процессы и влиять на формирование национальной идентичности народа?

Для Казахстана, как для молодого независимого государства, чрезвычайно важно разрабатывать теоретические и практические аспекты нациостроительства. При этом желательно, чтобы этот термин, как и все, связанные с ним понятия, не оставались в рамках сугубо научных социополитических исследований, а входили в широкий культурологический оборот. Поэтому в данной книге, посвященной анализу кинематографа и его влиянию на общество, я старалась ссылаться на тексты авторов, разрабатывавших теоретические вопросы «нациостроительства» в последние десятилетия XX века. Это прежде всего «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона (1983), «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера (1983), «Национализм как проблема» Партха Чаттерджи (1986), «Нации и национализм с 1780 года» Эрика Хобсбаума (1990), «Этнонационализм: в поисках понимания» Уолкера Коннора (1994), «Переформатированный национализм» Роджера Брубакера (1996), а также книги «Столкновение цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона (1996) и «Великий разрыв» Фрэнсиса Фукуямы (1999).

В культурологической и киноведческой литературе вопросы взаимосвязи нациостроительства и кинематографа рассматриваются, как правило, в контексте пост-колониализма. Принципиально важными в этом плане работами для меня были статьи Франца Фэнона «О национальной культуре», Фредерика Джеймсона «Литература третьего мира в эру мультинационального капитализма», Хоми Бхабха «Нация и повествование», а также два замечательных сборника под редакцией Вимала Диссаньяке «Колониализм и национализм в азиатском кино» (1994) и «Глобальное/локальное: культурное производство и транснациональная образность» (1996).

Предмет данного исследования – модели нациостроительства в странах Центральной Азии, отраженные в кинематографе.

Объект исследования – фильмы различных эпох: «оттепели», «перестройки», первых лет независимости и современного периода, снятые режиссерами Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, которые играли и играют значительную роль в процессе нациостроительства центрально-азиатских государств.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что в процессе нациостроительства наибольшую роль играет образ семьи, представляемой в различных формах. Специфика семьи рассматривается в динамике – от индивида к нуклеарной семье и далее к семье, состоящей из нескольких поколений.

Хронологический принцип исследования кинематографа использован в книге еще и для того, чтобы проследить диалектику изменения образов в разные исторические эпохи. Каков был положительный образ героя-мужчины, женщины, ребенка, отца, матери, семьи в целом в 60-е годы советской эпохи? Как эти образы менялись в эпоху «перестройки», в первые годы независимости? Каковы они сейчас?

Такого рода анализ фильмов дает поразительные результаты. К примеру, к концу советской эпохи в казахском кино практически не стало главных героев-мужчин, экраны заполнили образы детей и мальчиков-подростков, чьи отцы погибли в Великой Отечественной войне. Соответственно и семьи были неполными: детей воспитывали матери и бабушки, в лучшем случае – деды. Отца заменяло государство и партия в лице директоров колхозов, школ или других предприятий. Но с наступлением эпохи «перестройки», наоборот, на экраны буквально хлынули образы молодых, сильных и уверенных в себе людей. Но при этом женские образы оставались ущербными и убогими – это слепые, глухие, проститутки. И это тоже не случайно, потому что женские образы несут важную смысловую нагрузку – они также отражают ситуацию в обществе. Прекрасные возлюбленные не могли появиться в переходную эпоху, в эпоху социальных перемен и потрясений.

Кинематограф, как и все общество, должен был пережить период становления государственной независимости. Как это ни удивительно, но годы стабилизации экономики совпали с появлением на экранах образов полных семей, сильных отцов и матерей. Безысходное одиночество героев-бунтарей и несчастных женщин стало сменяться любовными историями со счастливым концом. Любопытно, что и дети по большей степени еще усыновляются или удочеряются, и семьи носят, скорее, искусственный характер, но процесс, как говорится, пошел.

Вслед за формированием образа семьи начинает складываться образ матери как олицетворения Родины и образ отца как символа государственности. Разные типы общества порождают различные образы нации и народа. И все это четко прослеживается в национальном кинематографе.

Так, рассматривая динамику развития образов от индивида к обществу в исторической перспективе, мы можем увидеть, как происходил и происходит процесс формирования национальной идентичности и какую роль кинематограф в Казахстане и других странах Центральной Азии играет в процессе нациостроительства, увидеть возможные перспективы развития этого процесса в ближайшем будущем.

Немного о структуре книги. Она состоит из шести глав, предисловия и заключения. В первую главу книги входят четыре общие статьи, объединенные тематическим принципом. Статья, представляющая собой обзор теоретических работ по нациостроительству, открывает эту главу. Статья «Новый патриотизм, или Поиск культурной идентичности», посвященная анализу культурного процесса в Казахстане в годы независимости, была написана для журнала «Спектр развития», 2003, IDC (Institute of Development Cooperation) и потом довольно широко перепечатывалась в Интернете. Статья «Десять лет под ветрами разных идеологий»

рассматривает траектории культурного развития стран Центральноазиатского региона в эпоху независимости. Тезисы этой работы были подготовлены для выступления в Дэвис-центре Гарвардского университета в марте 2002 года. Статья «Образ женщины в кино Центральной Азии» рассматривает более широкий диапазон времени, нежели годы независимости. Здесь я рассматриваю трансформацию женских образов с начала возникновения кинематографа в нашем регионе – с 30-х годов до сегодняшнего дня. Почему-то именно эта статья вызвала наибольший интерес в прессе: впервые она была опубликована весной 2002 года в газете «Мегаполис» (Казахстан), потом в журнале «Кинофорум» (Россия), почти сразу же в журнале «Синемайя» (Индия), позже она была перепечатана в каталоге кинофестиваля Оберхаузен (Германия) 2005 года в рамках специальной программы фестиваля «Упавший занавес».

Последующие главы книги построены в хронологическом порядке: кинематограф Центральной Азии периода «оттепели» – 60-е годы; «перестройки» – 1987–1991 гг.; первых лет становления независимости – 1991–1997 гг., и, наконец, периода осознанного националостроительства – 1998–2006 гг.

Вторая глава книги «Кинематограф «оттепели»: первые шаги формирования национального самосознания» имеет обобщенный вид. В ней только обозначены вопросы, требующие тщательного киноведческого анализа, потому что кино Центральной Азии 60-х годов – «кладовая кладовых» великолепных, но, к сожалению, малоизученных фильмов нашего региона. Более того, сегодня многие картины той эпохи требуют пересмотра на предмет их значимости в процессе формирования национального самосознания народов Центральной Азии. Какие-то фильмы, как, например, кыргызская лента «Белые горы» реж. Мелиса Убукева, были незаслуженно забыты, другие, наоборот, незаслуженно были подняты на щит национального кинематографа, хотя представляют собой произведения чисто колониального кинематографа, как, например, фильм «Первый учитель» реж. А. Михалкова-Кончаловского.

Третья глава «Кино «перестройки», или Протест против старых и декларация новых ценностей» посвящена очень короткому промежутку времени – с 1988 по 1991 год. Но именно тогда возникла так называемая «Казахская новая волна» и появились фильмы, заставившие заговорить о приходе в кино людей новой формации. Именно в этих фильмах на экранах появились новые герои: молодые люди – сильные, независимые, ироничные. «Игла» (1988), «Балкон» (1988), «Конечная остановка» (1989), «Влюбленная рыбка» (1990), «Разлучница» (1991) и т. д. Именно эти герои как носители нового времени и новых ценностей знаменовали собой конец советской эпохи.

Интересно, что в годы «перестройки» появились сильные молодые люди, но до формирования семьи – как основополагающей ячейки и нациоформирующей единицы общества, еще было далеко. Процесс обновления общества и героев на экранах происходил не только в Казахстане, но и в Кыргызстане – в фильмах «Где твой дом, улитка?», «Квартирант», «Ин Спе», «Селкинчек», в Узбекистане – «Сиз Ким Сиз?», в Таджикистане – «Братан» и т. д.

Четвертая глава «Кинематограф первых лет независимости: 1991-1997 гг. Постколониальный синдром: от эйфории до депрессии» посвящена самым сложным и самым важным годам в становлении государственности стран Центральноазиатского региона. Кинематограф, как и общество в целом, в основном зани-

мался изживанием «комплексов» – постсоветских и постколониальных. Поэтому в эти годы были сняты фильмы, воспроизводящие исторические события с максимальным приближением к реальности. Это такие картины, как «Суржекей – ангел смерти», «Гибель Отрара», «Имам иль-Бухори», и другие. Параллельно снималось много так называемых «чернушных» картин, а также фильмы, в которых шла активная критика наследия советского прошлого – «Путешествие в никуда», «Аллажар», «Сон во сне», «Последние каникулы», «Камми», а также осмысливалось время настоящее – «Кардиограмма», «Шанхай» и другие. Это был период, населенный героическими предками и страдающими современниками.

Пятая глава «Начало процесса нациостроительства в кинематографиях Центральной Азии: 1998-2006» является, на мой взгляд, самой важной в данной книге. Потому что именно здесь анализируется процесс нациостроительства, отражаемый в кинематографе и формируемый в какой-то степени национальным кинематографом. Этот процесс начался в кино в 1998 году практически параллельно в Казахстане и других странах Центральной Азии, кроме Туркменистана, где к этому году кинопроизводство было фактически закрыто. Именно в таких фильмах, как «Аксуат», «Заман-ай», «Молитва Лейлы», «Жылама!», «Бешкемпир», «Оратор», «Ангел на правом плече», мы видим зачатки формирования семьи как микромоделей общества, именно в этот период начинают появляться фильмы, где в художественной форме звучит тема гордости за Родину, Nation, Землю, на которой мы живем.

Шестая глава «Как развивается кинопроцесс и каков образ нации в кинематографиях Центральной Азии?» рассматривает уже в большей степени не фильмы, а процессы кинопроизводства в странах нашего региона.

Говоря о современном кинематографе в Центральной Азии в целом, можно сказать, что сложные, часто конфликтные процессы, сопровождающие нациостроительство в регионе, получают свое отражение в кинематографических образах в своем наиболее ярком и готовом для анализа виде. Данная работа – одна из первых попыток увидеть их и сложить в определенную модель.

Одна из главных задач национального кинематографа – визуальная репрезентация нации. Национальная идентичность выражается не только в фильмах исторического плана, но в любых фильмах, так как в них, так или иначе, выявляются этнические обусловленные мифы, символы и традиции народа и нации. ■

ГЛАВА 1

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА

Обзор теоретических статей по нациостроительству

Термин «нациостроительство» появился в среде американских ученых-политологов в 50-60-е годы XX века. Основателями этого термина стали Карл Дейтч, Чарльз Тили, Рейнхард Бендикс. Данный термин часто используется совместно с терминами «национализм», «национальное самосознание» и «национальная идентификация».

Теория нациостроительства первоначально использовалась для описания процессов национальной интеграции и консолидации, что вело к пониманию специфики современного национального государства в отличие от традиционных форм государств: феодальных или династийных, церковных или империй. Нациостроительство – это структурная метафора, которая предполагает существование активных агентов – «архитекторов», «инженеров» общества и т. д. Однако этот термин, используемый политологами, подразумевает не только осознанные стратегии, инициируемые государственными лидерами, но также и непланируемые социальные изменения, происходящие в процессе реализации программ нациостроительства.

Понятие «нациостроительство» неотъемлемо от понятия «национализм». У нас этот термин традиционно связывается с негативным, приравненным к «шовинизму» и прочим «-измам», однако обозначает он лишь форму выражения национального интереса народа к самому себе. Он является мощным источником социальной энергии, обладающей как разрушительной, так и созидательной силой. Одни исследователи считают национализмом все национальное, а другие – различают национализм официальный, государственный, преобладающей нации и т. д.

Предпосылки возникновения теорий нациостроительства

Предпосылками возникновения теорий нациостроительства являются марксизм, «психология толпы» Лебона, теория Макса Вебера и ряд идей, высказанных Эмилем Дюркгеймом. Так, марксизм стремился объяснить все явления нации через экономические факторы, экономический базис, классовую борьбу и их идеологией. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» пишет о классовых интересах французских крестьян, что вполне можно интерпретировать как описание французского национального характера.

Вторым влиятельным аспектом является теория «психология толпы» Лебона и поздних социально-психологических работ Зигмунда Фрейда, влияние которого

ощущается у многих современных исследователей нациостроительства. Влияние Дж. Мида, Г. Зиммеля, Т. Адорно так же заметно в современных концепциях, подчеркивая роль значимого «другого» для формирования национальной идеологии.

Третьим источником являются работы Макса Вебера. В его трудах есть целый ряд положений, имеющих практическое значение для классического модернизма: важность памяти, роль интеллигенции в сохранении «незаменимых культурных ценностей нации, значение национальных государств для формирования особого характера западного модерна». Для Вебера именно стремление к созданию своего государства отличает нацию от других типов общности. И теперь его тезис вдохновляет многих сторонников построения национального государства. Вебер рассуждает о национальности и пишет о субъективном характере этнической группы и нации, об эмоциональном характере этнической солидарности, о роли интеллигенции в формировании национального самосознания. Вебер рассматривает нации как большие статусные группы, экономически заинтересованные в борьбе за власть и престиж.

Важным для классической модернистской парадигмы является наследие Эмиля Дюркгейма. Многие из того, что Дюркгейм сказал об этничности и национализме, имеет непреходящее значение. Это относится прежде всего к его анализу религии, как ядру морального сообщества, к утверждению вечного элемента расы, сохранении при любых изменениях религиозной символики. По его мнению, подчинение идее патриотизма революционизирует умы. Э. Дюркгейм дал классическому модернизму концептуальный каркас.

Теории нациостроительства

В настоящее время можно говорить о трех сложившихся теориях наций, анализирующих процесс нациостроительства – примордиалистской, модернистской и инструменталистской. Ниже приводится краткий обзор каждого из этих направлений.

Примордиалистская (от англ. *primordial* – изначальный, исконный) *теория* рассматривает нацию в качестве извечной, исторически заданной общности людей. В рамках этой теории одни ученые ратуют за идею культурной или экономической детерминации, другие подчеркивают биоэнергетическую природу нации. Так, выделяются два подхода, основанные на различной трактовке природы человека.

Сторонники природно-биологического подхода считают возможным приложение социобиологических концепций к пониманию этнических феноменов. По их мнению, нации сформировались эволюционным путем на основе расширенных родственных групп и представляют собой общности на основе биологического происхождения. Нация таким образом основана на глубокой привязанности, коренящейся в кровных связях.

Другой подход, называемый эволюционно-историческим, был принят многими немецкими, русскими и советскими антропологами и этнографами. Он исходит от представления Иогана Гердера о народе как общности, возникающей на основе единства крови и почвы. Согласно их концепции, нация формируется из исторической этнокультурной общности людей, связанных определенной территорией,

и является самоопределяющей устойчивой общностью, представители которой объединены общими корнями и верой в совместное настоящее и будущее. Членов этнокультурной общности объединяют неизменные с незапамятных времен значимые характеристики (язык, религия, территория, культура, обычаи, образ жизни, менталитет, исторические корни).

Примордиалистских взглядов, по сути, придерживались К. Маркс и В. И. Ленин. В широко известной статье «О праве наций на самоопределение» Ленин, развивая идеи Маркса, расположил признаки нации в следующей последовательности:

- единство территории, на которой живет народ;
- общность хозяйственных связей;
- общий язык;
- общность психологического склада, или специфические особенности культуры народов.

Духовную общностью членов нации В. И. Ленин рассматривал лишь в последнюю очередь. Он считал, что человек от рождения принадлежит к определенной нации и о свободном выборе национальной принадлежности не может идти речь.

Модернистская теория представляет нации продуктом современных экономических и культурных связей, современной бюрократической государственной машины и системы светского образования. Энтони Д. Смит в своей книге «Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма» называет концепцию, согласно которой нации принадлежат самой природе современного мира и революционным процессам модернизации.

Ранними предшественниками этого классического модернизма являются Ж. Мишле, Э. Ренан, О. Бауэр, Дж. Маззини. Таким образом, парадигма классического модернизма в рассмотрении нации и национализма сложилась к 60-м годам XX века. Общую позицию сторонников классической модернистской парадигмы можно суммировать в следующих утверждениях:

1. Нация ни в коем случае не является древней или извечной. Допущение их к извечной является актом веры и не подтверждается историческими свидетельствами.
2. Нация ни в коем случае не является природной данностью.
3. Многие нации как в Европе, так и в Африке имеют самое недавнее происхождение.

Дальнейшее развитие модернистской теории нации трансформировалось в постмодернистские теории возникновения наций, согласно которым построение наций есть больше вопрос распространения символического представительства, чем образования культурных институтов и социальных сетей.

Сторонники *инструменталистской теории наций* понимают нации как современные общности, объединяемые политическими интересами и значимыми характеристиками, созданными в недавнем прошлом, а их общие генеалогические и географические корни есть мифы, созданные для сближения современных общностей.

К данному типу теорий принадлежит господствовавшая до середины 70-х годов XX века выдвинутая американскими антропологами и социологами теория так называемого «плавильного котла». Они рассматривали этнические группы

как пережитки доиндустриальной эпохи и считали, что значение этнических общностей и этнических чувств будет постепенно падать в ходе урбанизации и модернизации, аккультурации меньшинств, структурной и языковой ассимиляции.

Работы отдельных авторов

В 1964 году Эрнест Геллнер издал книгу «Мысль и изменения», которая стала как бы отправным моментом в формировании современной концепции национализма. По его мнению, национализм возник как продукт современного социального порядка, в котором культура в большей степени, чем структура, определяет место человека в постоянно меняющемся мире. Геллнер отмечает, что национализм появился в конце XVIII века вместе с началом формирования национальных государств. В следующей своей книге «Национализм и современность» Э. Геллнер выдвинул тезис: «Национализм порождает нацию, а не наоборот». По мнению Э. Геллнера, национализм есть результат общественных движений. Его сущность составляет связь между культурой и государством. Таким образом, он подчеркивает значение культуры в процессе нациостроительства.

В середине 70-х дискуссии по нациостроительству получили новый поворот. В статье «Нациостроительство или нациоразрушение?» Уолкер Коннор обрушился с атакой на философскую школу Карла Дейтча и его учеников. Так, Коннор отметил, что литература по нациостроительству заполнена социальными расхождениями разного типа – между буржуазией и крестьянами, элитой и массами, но полностью игнорирует культурное разнообразие. Коннор считает, что это – непростительное упущение, несмотря на то, что, согласно его расчетам, только 9% государств в мире могут считаться этнически гомогенными.

Если, согласно Карлу Дейтчу, нациостроительство означает ассимиляцию в большее общество и искоренение этнических особенностей, то Коннор считает, что в мировой истории этот процесс приводил больше к нациоразрушению, нежели к нациостроительству.

Уолкер Коннор в своей работе «Этнонационализм: в поисках понимания» считал, что настоящая природа нации всегда лежит в чувстве общности происхождения, разделяемое членами нации. «Нация – это предельно расширенная семья» – пишет философ. Однако не всегда бывает реальное единство происхождения нации. В действительности очень часто нация берет начало в различных этнических группах.

Модель Стейна Роккана, описанная им в работе «Измерения государственного образования и нациостроительства», показывает, что нациостроительство состоит из четырех аналитически определенных аспектов. Эти аспекты могут считаться не только аспектами, но и фазами нациостроительства. Первая фаза возникает в результате экономической и культурной унификации на уровне элиты. Вторая приносит более обширные секторы масс в государственную систему через воинскую обязанность, вовлечение в принудительные школы и тому подобное. Масс-медиа создают каналы для прямого контакта между центральными элитами и периферийным населением и генерируют широко распространяемое чувство идентификации с политической системой. На третьей фазе субъектные массы привлекаются для активного участия в формировании территориальных политических си-

стем. На четвертой стадии административный аппарат государства расширяется. Общественные сервисы социального обеспечения установлены, и создана общенациональная политика для уравнивания экономических условий. На эти процессы уходят столетия. Так, в Западной Европе первая и вторая стадии начались еще в средние века и продолжались вплоть до Французской революции. Невозможно определить, сколько времени требуется для полного завершения цикла нациостроительства. Но в идеале, считает Роккан, каждый последовательный этап должен проходить после полного завершения предыдущего.

В 80-е годы были опубликованы наиболее значительные труды о национализме. А именно: книги Дж. Армстронга «Нации до национализма» (1982), Дж. Брейи «Национализм и государство» (1982), Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983), Э. Геллнера «Нации и национализм» (1983), Э. Смита «Этнические истоки наций» (1986), Э. Хобсбаум «Нации и национализм после 1780 г.» (1987).

Бенедикт Андерсон выдвинул теорию нации, как о «воображаемом сообществе» людей с единством разделяемых взглядов: «Нация – это не то, что нам даровано в виде социально-обусловленной и исторически обустроенной идеи сообщества. Идеальная концепция нации – это единство разделяемых взглядов среди представителей этой нации, которое можно противопоставить иерархиям различных структур монархий, империй и религий». Он считает, что «нация не должна определяться как «фальшивое сознание», такого рода определения могут подразумевать существование «настоящих коммьюнити», противопоставляемых «искусственным нациям». На самом деле, все коммьюнити, размером большие, чем исконные деревни, в которых каждый знает каждого в лицо, есть воображаемые».

В то же самое время Энтони Смит, Расма Карклинс и другие философы развили идеи Коннора в другом направлении, сильно подчеркивая этнический аспект наций. Соглашаясь с модернистами в том, что «нации», так как их мы знаем, – современный феномен, Э. Смит в работе «Национализм и историки» настаивает на том, что они имеют длинную предысторию, развиваясь из этнической сердцевины. Из конгломерата этнических групп, существовавших в ранние века, некоторые развились в нации, а некоторые нет. Почему некоторые группы оказались более удачливыми, а другие нет? Часто это может быть объяснено как результат исторических случайностей, пересечение подходящих условий. Но это также могло произойти в результате активных усилий определенных националистов, строителей нации.

Э. Смит в отличие от Э. Геллнера и Б. Андерсона не считает, что нации и национализм возникли вследствие развития промышленности и целенаправленной работы СМИ. Он определяет характер связи между этническими образованиями предшествующих эпох и современными нациями, как наличие коллективной исторической и культурной памяти и фольклора. Корни национализма Смит видит в стремлении этнических групп к определению своего места в мире. Мифы, символы и церемонии национализма являются, по его мнению, основой социальных связей и политического действия в современных обществах. Энтони Смит полагает, что национализм есть следствие кризиса формирующегося национального сознания и различных форм власти. Он выделяет три вида национализма – лингвистический, официальный и гражданско-республиканский. Национализм имеет три уровня:

- 1) состояние общественного сознания;
- 2) наличие идеологической системы как совокупности политических принципов;
- 3) наличие социальной и политической практики.

Смит и его соратники в отношении термина «нациостроительство» придерживаются «неоисконного» понимания современных наций, как продуктов веками выстраиваемого этнического материала, с особым подчеркиванием культурного, символического и мифотворческого аспектов нациостроительства.

«Даже для большинства недавно созданных государств этническая однородность и культурное единство являются первостепенным фактором. Даже там, где общества подлинно плюралистические и существует идеологическое обязательство по плюрализму и культурной толерантности, элиты новых государств вынуждены (из-за своих собственных идеалов и логики этнической ситуации) выдумывать новые мифы и символы своих появившихся наций и новой «политической культуры» антиколониальных и пост-колониальных (африканских и азиатских) государств», – настаивает Э. Смит.

Релятивистская теория нации

Различные точки зрения на теорию нации или почти любое исследование ученых по этому вопросу на определенном этапе развития общества справедливо. В этом смысле наиболее корректной является *релятивистская теория нации*. Эта теория преодолевает крайности объективистской и субъективистской трактовок самого понятия «нация» и рассматривает нации не изолированно друг от друга, а в контексте взаимных отношений и взаимного восприятия. Релятивистская теория наций основана на тезисе о референтной природе каждой из наций. Нации, равно как и их интересы, – не абсолютно заданные величины, «константы», с которыми необходимо считаться. Они сами – меняющиеся общности, которые воспринимают друг друга по-разному в различных социально-политических контекстах. Таким образом, нация – это прежде всего духовное единство людей (национальная культура и язык). Поэтому нецелесообразно, да и невозможно выразить сущность нации, национальные чувства на языке логики, науки, которые выхолащивают смысл самого понятия, выражающий национальную суть. Так писал русский философ Николай Бердяев.

Нациостроительство – закономерная форма развития общества, оно имеет как социальную, так и этническую сторону. Всякая попытка свести нацию к этническим факторам, отождествить ее с этносом исключает само содержание национальной жизни. Вообще многочисленные подходы к исследованию происхождения наций и национализма не должны рассматриваться как обязательно альтернативные – каждый из них представляет всего лишь какой-то аспект единого явления.

Национализм, формируя нацию, делает это на основании определенной культуры. В этом отношении, т. е. в контексте культуры, национализм является разнообразным, как разнообразны формирующие его культуры. Если же полагать национализм как идеологию, то он един. Не существует универсальной теории нации и национализма. И как полагает У. Альтерматт в своей книге «Этнонационализм в Европе», дефиниция национализма, вероятно, никогда не будет выработана, хотя он и является реальностью.

Постмодернистские теории

Для исследователей национализма самого последнего времени характерно выделение субъективных аспектов национализма. Так, М. Биллинг, Р. Брубекер, С. Кэлбау, Н. Юваль-Дэвис довольно мало внимания уделяют формированию, собственно, социологических моделей исторического развития национализма и значительно больше используют подходы, характерные для критической теории и исследования постмодернизма. Эти авторы меньше стремятся объяснить национализм в терминах силы. Они анализируют националистический дискурс в качестве идеологем или практики. Для этих авторов важно, что национализм является важной частью в современном обществе и может быть объектом исследования. А исторический анализ национализма важен в той степени, в которой он анализируется для структурирования национальной памяти и управления ею. Эндрю Томас и Ральф Февр считают целесообразным для анализа феномена национализма в современном мире использовать оба эти подхода.

К постмодернистским теориям примыкают идеи, высказанные российским исследователем С. Строевым в работе «Теория кризиса: нация и национализм». Так, он пишет, что национализм – это не идеология, не доктрина и не политика. Национализм – это простое «я есть» надличностного национального организма. Простая, не нуждающаяся в доктринальном обосновании констатация собственного бытия и собственной субъектности. Национализм – это именно то коллективное сознание, которое объединяет множество отдельных индивидуумов в единое надиндивидуальное целое. Это очевидное для своего носителя разделение мира на две категории: «мы» и «не мы», «свои» и «чужие», «наша земля» и «чужая земля». Это не означает автоматически враждебного отношения к другим нациям, но, безусловно, выделяет свое из множества чуждого.

Нация, как и всякий организм, рождается, живет и со временем умирает. Как и всякий организм, нация взаимодействует с окружающей средой, борется за свое существование и имеет встроенные механизмы защиты, своего рода иммунную систему. Такой иммунной системой, считает С. Строев, служит в том числе т. н. ксенофобия – инстинктивное отторжение чужеродных элементов, будь то чуждые традиции, обычаи, религии, нормы поведения, язык или сами инородцы. То, что космополиты презрительно называют «ксенофобией», – это здоровый и нормальный национальный инстинкт, направленный на выживание этноса как такового. Пока нация жива как организм, жива в ней и ксенофобия: способность отличать свое от чуждого и воспроизводить себя из поколения в поколение, не растворяясь в окружающей среде. Поскольку нации выделяются не на основе однотипных формальных признаков, а на основе прежде всего сознания собственного единства, собственной исторической субъектности, то и формальные признаки, по которым определяются границы этого единства, для разных наций различны. Поэтому и национализмы (т.е. национальные самосознания) разных наций принципиально различны и не сводимы к общей схеме. Есть нации, по своей природе ориентированные на устойчивость собственного воспроизводства, для которых первичным признаком национальной идентичности является происхождение. Соответственно и национализм таких наций имеет черты этнического, иногда антропологического характера и зачастую выражается в форме национального сепаратизма и изоляционизма. Есть нации, напротив, несущие в себе универ-

салистскую идею и склонные к расширению и интеграции других национальных общностей в свой состав. Все это формы национальной идентичности, все это свои самобытные формы национализма, каждая из которых органична для собственной нации. Универсалий здесь быть не может: разных форм национализма существует ровно столько, сколько существует отдельных наций.

С точки зрения задач данного исследования представляет интерес динамика развития теоретических аспектов такого своеобразного явления, как «русский национализм». Краткий обзор идей нациостроительства в России, как бывшей метрополии Казахстана, дает видение исторических параллелей, обусловленных общностью исторических судеб двух стран.

Современный процесс нациостроительства в России может отсчитываться от правления Екатерины II и продолжается до сих пор. Этапными моментами этого процесса является переписывание историком В. Н. Татищевым русских летописей в соответствии с установкой на строительство национального государства, имевшее место в царствование Екатерины II; реализация программы Николая I и графа С. Уварова «Народность – православие – самодержавие», по сути давшей управляемые формы процессу этногенеза русского народа; деятельность мецената и коллекционера произведений изобразительного искусства П. Н. Третьякова по визуальному закреплению в национальном массовом сознании ключевых событий и персонажей русской истории в соответствии с данной программой.

В дальнейшем решение вопросов нациостроительства в России было перенесено в «интеллектуально-административную сферу». Как пишет М. Долбилов в статье «Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.», логика национализма начала овладевать мышлением интеллектуалов, составлявших группу либеральных бюрократов (Н. А. Милютин, Д. А. Милютин, М.Н. Муравьев, Ю. Ф. Самарин, и др.) в конце 1840-х гг. В то время они составляли сплоченную команду в Русском географическом обществе. Особенно это проявилось в этнографической программе РГО, нацеленной на выявление национального измерения имперского строя, обнаружения и демонстрацию самобытной народной основы имперского государства (цит. по Долбилову М. «Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.», стр.133-135).

Прав, вероятно, известный английский экономист и историк Эрик Хобсбаум, который подчеркивал, что нации представляют собой «дуалистический феномен, создаваемый преимущественно сверху, но который невозможно понять без изучения процессов, шедших снизу, т. е. без чаяний, надежд, потребностей, желаний и интересов простонародья, которые не всегда были национальными, но от этого не становились менее националистическими».

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что процесс нациостроительства формируется усилиями интеллектуального меньшинства, хотя в целом нацелен на большие социальные группы. Целью нациостроительства является интеграция и гармонизация различных социальных, региональных, политических или институционально разделенных слоев населения. Мотивы нациостроительства различны и сформированы историческим и политическим окружением. Успех нациостроительства постоянно зависит от становления самосознания, которое может связывать определенные характеристики ценностей с отдельными национальными группами и описывать его особенность как часть национальной идеологии.

Безусловно, данный обзор теоретических исследований по «национализму» и «нациостроительству» является пунктирным и не охватывает всего спектра исследуемых проблем. Тем не менее он дает некое представление о данном вопросе и обозначает основных авторов, опираясь на работы которых, мы далее постараемся проанализировать роль и влияние кинематографа на процесс нациостроительства в странах Центральной Азии. ■

Новый патриотизм, или Поиск культурной идентичности

«Нация – это не то, что нам даровано в виде социально обусловленной и исторически обустроенной идеи сообщества. Идеальная концепция нации – это единство разделяемых взглядов среди представителей этой нации, которое можно противопоставить иерархиям различных структур монархий, империй и религий»

Бенедикт Андерсен

В меняющемся мире

Мыслишком быстро сдаем свои позиции, даже не задаваясь вопросом: «Кому это выгодно?» За годы независимости в западной прессе Казахстан быстренько отнесли к категории стран третьего мира. И мы с этим дружно согласились, называя наше отечество «отсталой страной». Низойти до негатива гораздо проще, чем отстаивать свои принципиальные позиции и стремиться идти с высоко поднятой головой. Гордость за нацию рождается и живет в первую очередь в нашем сознании, а потом уже переходит в конкретные дела и поступки. И задача интеллигенции не посыпать голову пеплом, а взять на себя функцию осмысления сложившейся ситуации и, отстаивая то, что уже завоевано поколениями наших предков, предлагать новые пути и модели развития общества.

До распада Советского Союза Казахстан входил в так называемый второй мир – социалистический не только по определению, но и по уровню развития и благосостояния общества. За первые годы независимости мы, как общество, по многим экономическим и социальным параметрам были отброшены назад в своем развитии (рост уровня безработицы, наличие фактора бедности, рост детской смертности, возврат таких болезней, как чума, холера и т. д.) Но тем не менее всех этих параметров недостаточно, чтобы позиционно причислять Казахстан к странам третьего мира, хотя на Западе это произошло почти автоматически.

Для того чтобы картина была понятнее, напомним о том, что определение «третий мир» возникло в 1957 году на Делийской конференции, когда было заявлено о разделении мира на два лагеря – социалистический и капиталистический. И вот тогда, на этом исторически важном форуме, группа стран, куда входили Индия, Китай и другие азиатские и латиноамериканские государства, объявила о своем неприсоединении к этим двум лагерям и назвала себя «третьим миром». После распада дуальной системы в 1991 году автоматически продолжается деле-